

ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Карташева

ИСТОРИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XVIII–XIX ВВ.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; natkartasheva@gmail.com

Аннотация. Российские востоковедческие исследования на протяжении всей своей истории были тесно связаны с просветительской и миссионерской деятельностью Российской православной церкви. Изучение восточных языков с миссионерскими целями было инициировано Петром I в начале XVIII века, и тогда же им была создана многоуровневая система духовных школ, способствовавшая повышению уровня интеллектуальной подготовки священнослужителей. Во второй половине XVIII века в различных церковных образовательных учреждениях начинается преподавание языков народов Российской империи и зарубежного Востока. В XIX веке вопрос изучения и преподавания восточных языков приобретает особое значение в контексте формирования единого культурного пространства Империи и национального строительства. В результате, уже в начале XIX века в духовных семинариях и академиях преподавались татарский, чувашский, марийский, калмыцкий, монгольский и другие языки. Выдающиеся ученые, как светские, так и духовные, разрабатывали методические основы миссионерского востоковедения, создавали фонды учебных материалов. В процессе подготовки специалистов, владеющих языками народов Востока, решались не только церковные, но и государственные задачи. Выпускники духовных школ, знающие восточные языки, помимо миссионерской деятельности, занимались переводами, лингвистическими, историческими, этнографическими, культурологическими исследованиями, обучали детей и взрослых в этнических школах и, в конечном счете,

Карташева Наталья Валерьевна — кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; natkartasheva@gmail.com

© Карташева Н.В., 2026

выполняли важную культурную задачу в масштабах Российской империи и за ее пределами.

Ключевые слова: восточные языки в России, ориенталистика, Иакинф Бичурин, духовные школы, Казанская духовная академия, Пекинская духовная миссия, Русско-монгольская школа

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-8

Для цитирования: Карташева Н.В. Преподавание восточных языков в духовных школах Российской православной церкви в XVIII–XIX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 3. С. 119–134. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-8

Введение

История преподавания восточных языков в духовных школах Российской православной церкви — феномен малоизученный, долгое время находящийся на периферии исследовательского интереса. Тем более важным является определение масштаба данного явления и выявление возможных перспектив дальнейшего его изучения. Целями проведенного нами анализа было определение основных этапов развития анализируемого феномена; выделение наиболее значимых церковных центров преподавания восточных языков; анализ специфически миссионерского характера выбора языков для преподавания в духовных школах; выявление неразрывной связи педагогического и исследовательского аспекта российского миссионерского востоковедения. При этом нельзя было не принимать во внимание, что, рассматривая преподавание восточных языков в учебных заведениях духовного ведомства в масштабе двух столетий, мы имеем дело не с единой, централизованной и последовательно развивающейся системой. Скорее, это множество различных по масштабу и продолжительности эпизодов, возникающих на фоне непрерывно меняющейся внешне- и внутреннеполитической ситуации в России и зависящих от множества объективных и субъективных факторов.

Кроме того, многочисленные сведения о преподавании восточных языков в русских духовных школах пока не сведены в единое исследование. Между тем это явление представляет собой уникальную страницу в истории отечественной педагогики и культуры в целом. Методическое обеспечение преподавания восточных языков: учебная литература, словари, грамматики, описания методов преподавания, содержащиеся в исторических источниках, — в основной массе не изучены и не рассматривались исследователями как единое целое.

Таким образом, предметом исследования является сложное, малоизученное, протяженное во времени явление, что и определило обзорный характер нашей статьи.

Полиэтничность является одной из важнейших особенностей России, присущей ей с момента возникновения государственности. Непростая история взаимоотношений различных в языковом, культурном и религиозном плане этносов перешла в новую фазу в имперский период, когда задачи поддержания внутреннего согласия и строительства нации осложнялись масштабами страны, неравномерностью экономического развития и многими другими факторами. Роль Российской православной церкви в процессе национальной консолидации по-разному оценивается исследователями, но, по-видимому, вопрос о соотношении миссионерских и русификаторских целей церковной политики не имеет однозначного ответа, так как подразумевает множество разнообразных ситуаций, несводимых к единому сценарию. Однако, не вызывает сомнения тот факт, что в своих миссионерских устремлениях Российская церковь внесла значительный вклад в развитие культур народов России. Решая практические задачи, церковные ученые создавали письменность для народов Поволжья, Алтая и Сибири, переводили богослужебные книги и просветительскую литературу на языки этих народов, тем самым обогащая и развивая их культуру, способствовали формированию национальных интеллигенций. Изучение языков нерусских народов империи было необходимым условием для осуществления просветительской миссии, включающей в себя не только христианизацию, но и духовное окормление уже принявших крещение представителей т.н. инородческого населения. Восточные языки в период XVIII–XIX веков преподавались в духовных школах всех уровней (училищах, семинариях, академиях).

Духовные школы Российской православной церкви — это учебные заведения, в которых происходила профессиональная образовательная и воспитательная подготовка будущих священно- и церковнослужителей. В дореволюционный период система духовного образования имела сословный характер и состояла из учреждений разного уровня: училищ, семинарий и академий. Эти заведения решали различные задачи: училища представляли собой самый низший уровень и готовили церковнослужителей и учителей для приходских школ, семинарии были нацелены на подготовку основной массы священнослужителей. Духовные академии готовили препо-

давателей, богословов, ученых, церковно-административные кадры, кроме того, они представляли собой крупные научные центры, при которых были собраны обширные библиотеки, велась издательская деятельность, осуществлялось взаимодействие со светскими академическими и университетскими кругами.

Начало системе специального духовного образования в России было положено в начале XVIII века Петром I, стремившемся, с одной стороны, поднять общий профессиональный уровень во всех сферах общественной жизни, а с другой — упорядочить устройство Русской православной церкви по образцу западных церквей. Исторически закономерно присутствие в программах первых российских духовных школ обязательного латинского языка. Однако малоизвестным является то, что изначальный замысел императора предполагал и изучение языков нерусских народов империи. Обращаясь к патриарху Адриану, Петр говорил о необходимости специально готовить священников, чтобы они знали, как приводить к знанию Бога «христиан православных и зловерцев татар, мордвы и черемисы и иных» [Соловьев, 1865: 116].

Таким образом, с самого начала организации духовных школ Российской православной церкви перед ними была обозначена задача изучения языков тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской групп. И практически в тот же период российской истории возникает необходимость в развитии коммуникации с дальними восточными соседями империи, при этом обстоятельства складываются так, что дипломатическую миссию в Цинской империи приходится выполнять духовным, а не светским посланникам. Так в поле внимания представителей церкви попадают языки монгольский, китайский и маньчжурский. Кроме того, в отдельных духовных учебных заведениях в XIX веке изучались языки семитской (арабский и еврейский), кавказской (грузинский, черкесский), иранской (осетинский) групп.

Преподавание восточных языков в духовных учебных заведениях преследовало несколько целей. Главной целью, конечно же, была подготовка к миссионерской деятельности, к проповеди среди некрещенных народов империи. Кроме того, традиция христианского благовестия на языке обращаемого народа, унаследованная русской церковью от свв. Кирилла и Мефодия, предполагала и обучение на родном языке принявших христианство народов, не знающих русского, и создание письменности там, где ее еще нет, и переводы церковных текстов, и богослужение на языке местного населения — и для всего этого требовалось свободное владение языками.

К числу практических целей, с которыми преподавание восточных языков было введено в программы духовных школ, можно отнести и подготовку преподавателей и переводчиков для нужд как церковных, так и государственных учреждений. В высшей духовной школе — Духовной академии — преподавание восточных языков было частью подготовки исследователей духовной культуры, религии, языка и истории народов Востока, а также высококвалифицированных переводчиков, способных профессионально переводить богослужебные и богословские тексты, в том числе на восточные языки с церковнославянского, греческого, латыни, а иногда и с новых западноевропейских языков.

В дореволюционной литературе тема преподавания восточных языков в духовных школах нашла отражение, прежде всего, в разнообразных и многочисленных методических изданиях, среди которых особое место занимают труды участников Пекинской духовной миссии и преподавателей Казанской духовной академии и семинарии. Разрозненные сведения по истории изучения восточных языков в церковных образовательных учреждениях содержатся в некоторых дореволюционных сочинениях по истории российского востоковедения. Особую ценность представляет собой труд Николая Ивановича Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России», содержащий в себе едва ли не единственное систематическое изложение данных о преподавании восточных языков в российских учебных заведениях на момент издания (1879 г.) [Веселовский, 1879]. Отдельным, подробным разделом в монографии Веселовского даны сведения об учреждениях Духовного ведомства.

В советский и постсоветский период сведения об изучении восточных языков в духовных школах в основном содержатся в монографических трудах, посвящённых истории российского востоковедения в целом или в его региональных вариантах [История отечественного востоковедения ... , 1990; История отечественного востоковедения ... , 1997; Скачков, 1977; Кононов, 1982]. Собственно педагогические аспекты данного явления освещены весьма кратко и фрагментарно, акцент в большинстве работ сделан на лингвистических исследованиях, либо на фактографии (количество студентов, годы преподавания того или иного языка, персоналии преподавателей и т.п.). Значительный корпус методической литературы, созданный в дореволюционный период, а также сведения об организации педагогического процесса пока не систематизированы и не стали

предметом отдельного исследования. Между тем, собранные воедино дидактические материалы по преподаванию восточных языков в духовных школах могли бы дополнить историю русской педагогики ценной страницей.

Преподавание восточных языков в контексте российского востоковедения

Российское востоковедение — не просто одна из отраслей гуманитарных исследований. *Познание Востока* на протяжении столетий было насущной потребностью русского человека. Восток для России — это, разумеется, близкие и дальние соседи, с которыми нужно буквально находить *общий язык*, но прежде всего, Восток — это внутреннее пространство, народы и земли, разными судьбами вошедшие в имперскую ойкумену. Говорить на восточных языках — как «внешних», так и «внутренних», было необходимо, но необходимость эта была обусловлена совершенно разными, порой взаимоисключающими целями: государственно-дипломатическими, военными, торговыми, административными, культурными, миссионерскими, наконец. Систематическое изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков было начато еще в 20-е годы XVIII века сотрудниками Пекинской миссии. В последующие годы интерес к Востоку в Российской православной церкви развивался и воплощался в многообразных формах — создании письменности, переводах, книгах, учебных курсах и прочем. Неудивительно, что история изучения восточных языков в России, неразрывно связанная с более широким познанием культуры и истории Востока, интересна и богата именами, событиями и увлекательными сюжетами.

Если же говорить именно о *преподавании* восточных языков в России, то многообразие целей, места и времени привело к появлению особого, сложного историко-педагогического феномена, который включает в себя различные культурологические, дидактические, психологические, организационные аспекты. На протяжении XVIII и XIX веков восточные языки в России преподавались в очень разных условиях: в школах, специально открытых при Академии наук, при Азиатском департаменте МИД, при губернских канцеляриях, при посольствах, при монастырях и архиерейских домах; в кадетских корпусах, казачьих училищах и Военной академии; в университетах, институтах, семинариях, училищах, гимназиях, духовной академии. Особое место в истории преподавания восточных языков в России занимают такие учебные заведения, как

Кяхтинская школа китайского языка, Азиатская школа в Омске, Лазаревский институт восточных языков, Восточный институт при Ришельевском лицее в Одессе и др. Первые десятилетия XIX века стали временем расцвета университетского востоковедения, соединившего преподавание восточных языков с их научным изучением. По свидетельству авторитетного историографа российского востоковедения Н.И. Веселовского, уже в XVIII столетии «в России изучались все распространенные восточные языки. К концу века появились в печати многочисленные грамматики, азбуки, словари и другая учебная литература по этим языкам» [Веселовский, 1879: 95].

Восточные языки в учебных программах православных духовных школ появились в 1770–1780 годах [История отечественного востоковедения ..., 1990: 71], хотя уже в первой половине XVIII века участие духовенства в изучении и преподавании восточных языков было весьма заметным. В XIX веке происходит расцвет академического востоковедения в Казанской Духовной Академии, тюркские, монгольские, угро-финские языки начинают изучать в семинариях и духовных училищах. Очевидно, что главной предпосылкой появления восточных языков в духовной школе была необходимость вести проповедь христианства на родных и понятных для нерусских народов языках. Однако миссионерские цели не ограничиваются практическим освоением языка, а всегда предполагают глубокое проникновение в этнический склад мышления, в духовную культуру и ментальность обращаемого народа. Вследствие этого рядом с практическими курсами восточных языков в программах духовных школ появляются историко-культурные дисциплины, например, «История арабской словесности» или «История древних турецко-татарских народных племен», а миссионерское отделение Казанской духовной академии становится средоточием востоковедных исследований высокого уровня и местом собирания восточной литературы, в том числе раритетов, привезенных русскими учеными, миссионерами и паломниками из-за границы.

Интерес к изучению восточных языков в миссионерских целях существовал в Российской православной церкви задолго до того, как эти языки закрепились в учебных планах духовных школ. Отправляясь на проповедь к нерусским народам, миссионеры не всегда пользовались услугами толмачей-переводчиков, многие из них самостоятельно осваивали незнакомые прежде языки. Попытки организовать преподавание языков предпринимались при монастырях

и архиерейских домах в епархиях с коренным нерусским населением или в приграничных восточных землях. Одним из наиболее заметных начинаний стала так называемая «Мунгальская (монгольская) школа» (позже переименованная в «Русско-монгольскую»), открытая в 1725 году при Вознесенском монастыре города Иркутска. Организатором школы стал настоятель монастыря архимандрит Антоний Платковский (1682–1746), выпускник Киево-Могилянской академии. Иркутск, расположенный на перекрестке путей, связывавших Россию с Китаем и другими странами Дальнего Востока, стал первым центром по изучению монгольского, китайского и маньчжурского языков. Целью создания школы была подготовка как миссионеров для бурят и монголов, так и переводчиков для дипломатических и торговых целей. Школа стала первым учебным заведением в Восточной Сибири, просуществовала в общей сложности 20 лет и подготовила целый ряд знатоков восточных языков.

В 1728 году Архимандрит Антоний Платковский был назначен начальником второй духовной миссии в Китае. С собой он взял трех наиболее успешных воспитанников Русско-монгольской школы, среди которых был и Иларион Россохин (1707—1761), ставший впоследствии первым российским синологом, крупным специалистом по культуре и истории стран Востока — Китая, Маньчжурии, Японии. Российская духовная миссия в Китае, Пекинская миссия, существовавшая почти непрерывно с 1715 по 1954 годы, сыграла важнейшую роль в становлении и развитии российского востоковедения. Значителен и ее вклад в изучение восточных языков — уже с 1721 года в миссию стали специально посылать учеников духовных учебных заведений для изучения китайского и маньчжурского. И хотя Пекинская миссия не была образовательным учреждением, нельзя не сказать о ее ключевой роли в укреплении научных основ изучения и преподавания языков Востока.

Вероятно, одной из наиболее ярких личностей, которых дала России Пекинская миссия, был иерей Иакинф Бичурин (1777–1853) (мирское имя — Никита Яковлевич Бичурин), знакомец Пушкина, приятель иркутских декабристов, фигура яркая и экстраординарная. Во время служения в Пекинской миссии он выучил китайский, маньчжурский, монгольский, тибетский и корейский языки. Бичурину принадлежит множество переводных и оригинальных трудов по языку, культуре, истории Востока. Будучи человеком, страстно влюбленным в культуру Китая, он своими рассказами и публикациями сумел увлечь многих современников, в числе которых и Пушкин, и Белинский, и Достоевский. Но нам важно отметить,

что именно Иакинф Бичурин в 1835 году создал в Кяхте училище китайского языка для купеческих детей, и разработанная им программа 4-летнего обучения вывела на качественно новый уровень методику преподавания и изучения китайского. По усовершенствованной «Китайской грамматике» Иакинфа Бичурина велось преподавание в России вплоть до XX века.

Примерно в то же время, когда в пограничной Кяхте о. Иакинф Бичурин создал училище китайского языка, в Казанском университете была открыта первая в России кафедра китайского языка, которую возглавил один из бывших членов Российской духовной миссии в Пекине архимандрит Даниил (Сивиллов) (1798–1871). Следует подчеркнуть, что востоковедение в императорской России было той исключительной сферой, в которой церковная и светская наука не просто сотрудничали, а действовали нерасторжимо. Взаимодействие в сфере изучения восточных языков происходило как в теоретическом, так и в практическом плане. Примером подобного сотрудничества могут служить летние практики студентов светских учебных заведений в заграничных духовных миссиях — так, студенты Восточного института совершенствовали свои знания языков в Пекинской и Японской духовных миссиях. Также известны случаи, когда лица духовного звания оканчивали светские учебные заведения, например иеромонах Павел Ивановский, выпускник корейского отделения Владивостокского Восточного института, стал начальником и активным строителем Российской православной миссии в Корее.

По мере развития духовных школ расширилось и преподавание в них языков народов Поволжья и Средней Азии. В XIX веке задача миссионерской проповеди и обучения новокрещенных членов церкви актуализировалась в более широком контексте задач национального строительства и выбора стратегий ассимиляции восточных народов в единое национальное государство. В результате уже в начале XIX века в духовных семинариях и академиях преподавались татарский, арабский, калмыцкий, монгольский, чувашский, черемисский (марийский) языки. В процессе подготовки специалистов, владеющих языками народов Востока, решались не только церковные, но и государственные задачи.

Уникальным центром по изучению и преподаванию восточных языков стала Казанская духовная академия, созданная в 1797 году на основе Казанской семинарии. Значимость этого духовно-образовательного центра была предопределена необходимостью распростра-

нения православной культуры на огромное восточное пространство империи, духовные потребности которого не могли удовлетворить далеко отстоящие Киевская, Санкт-Петербургская и Московская духовные академии, имеющиеся на тот момент в России. Как писал в своем масштабном труде по истории Казанской духовной академии профессор П.В. Знаменский, в то время было очевидно, что многочисленные представители угро-финского, татарского и монгольского племен, живущие на обширной территории Казанского округа, «доселе нуждаются в христианском просвещении, и для сообщения им этого просвещения нужны люди, знающие их языки, нравы и верования» [Знаменский, 1891: 5].

В 1800 году в Казанской академии началось изучение татарского языка, основным пособием при этом была печатная грамматика священника Александра Троянского (1779–1824). Изучение татарского языка было обязательным только для студентов из мест со значительной долей инородческого населения. Всего изучавших татарский язык в различные годы насчитывалось от 20 до 100 чел. В 1808 году в силу административных причин Академия была вновь преобразована в семинарию, однако преподавание татарского языка в ней продолжалось. В 1845 году Казанская Духовная академия была восстановлена и в ней были открыты две кафедры (разряда): турецкого, татарского и арабского языков и монгольского и калмыцкого языков. Распределение языков по «разрядам» свидетельствует, что в основу был положен миссионерский принцип, и языки изучались неразрывно с духовными представлениями и верованиями определенных этнических и религиозных групп, исповадовавших ислам и ламаизм соответственно. С момента восстановления в Академии начинается расцвет восточного языкознания, преподавателями становятся выдающиеся лингвисты и знатоки восточных языков и культур своего времени. Первыми преподавателями стали профессора Казанского университета А.К. Казем-Бек (турецко-татарский и арабский языки) и А.В. Попов (монголо-калмыцкий язык). В последующие годы восточные языки и смежные дисциплины в Казанской духовной академии преподавали А.А. Бобровников, Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов, М.А. Машанов и другие известные востоковеды. Особенностью преподавания восточных языков в Казанской академии было проведение практических занятий с носителями языка, которые оформлялись в штат как преподаватели. Также в академии существовали «выездные» практики, когда студенты, изучающие татарский язык, получали разговорную практику в татарской слободе, проживая там во время летних каникул.

В 1854 году в Казанской духовной академии по Указу Синода была проведена реорганизация миссионерских отделений, в результате чего появились противомусульманское (с изучением арабского и татарского языков), противобуддийское (с изучением монгольского, бурятского и калмыцкого языков) и чувашско-черемисское (впрочем, просуществовавшее всего несколько лет) отделения. При этом в обязательном порядке во всех трех отделениях преподавали «кроме языков, по три науки — миссионерскую педагогику, этнографию с историей и подробным изложением верований тех или других инородцев и полемику против этих верований» [Знаменский, 1892: 11].

Несмотря на очевидно миссионерские цели преподавания восточных языков в Казанской академии, большое внимание в ней уделялось научно-исследовательской работе. Научные статьи, как лингвистического, так и религиоведческого и этнографического плана публиковали не только профессора, но и студенты академии [Веселовский, 1879: 46]. Осуществлялась серьезная работа по переводам исследовательской литературы с восточных и с западноевропейских языков. Переводам и изучению восточного культурного наследия — литературы, исторических источников, религиозных (исламских, буддийских) текстов уделялось очень большое внимание. Таким образом, преподавание восточных языков в Казанской духовной академии способствовало расширению научных знаний о народах России, обогащению и развитию их культуры и языка. Во второй половине XIX века Казанская духовная академия стала уникальным, единственным в своём роде центром миссионерского востоковедения, отличавшегося своей проблематикой и методологией от университетского и академического востоковедения. «Через своих воспитанников она поддерживала связи с востоковедными центрами в России и за ее пределами: Санкт-Петербургским университетом, Практической Восточной Академией, Пекинской духовной миссией, православной духовной миссией в Японии, Православным палестинским обществом» [Колесова, 2000: 23].

Если целью академического образования была высшая богословская подготовка, то семинарии, что очевидно, имели более прикладные образовательные цели. И преподавание тех или иных восточных языков в них определялось наличием в епархии населения, говорящего на языках тюркской, монгольской или угро-финской групп. Это могли быть как христиане, так и язычники или мусульмане, то есть те, к кому была обращена миссионерская и пастыр-

ская работа в данной епархии. Наиболее часто среди восточных языков преподавался татарский — в 15 семинариях. В четырех семинариях — Казанской, Уфимской, Оренбургской и Симбирской — преподавался чувашский язык; также в четырех — Астраханской, Саратовской, Донской и Ставропольской — преподавался калмыцкий язык. В трех семинариях — Казанской, Нижегородской и Вятской — преподавался черемисский (то есть марийский) язык. В Якутской семинарии — якутский, в Херсонской — крымскотатарский, в Иркутской — монгольский (+разговорный бурятский) язык, и в Тифлисской семинарии — осетинский. Необходимо уточнить, что преподавание названных языков не было неизменной частью учебных программ семинарий на протяжении всего XIX века. Наибольшее количество учащихся, занимавшихся восточными языками в семинариях, приходится на 50-е — начало 70-х годов. После этого наступает сокращение количества и объема преподаваемых языков. Статус восточных языков тоже был очень разный — они могли входить в обязательную программу, могли преподаваться факультативно. В некоторых семинариях их можно было изучать вместо современных европейских (французского и немецкого). Объем преподавания также был различным.

Первая половина XIX века ознаменована широким распространением восточных языков в духовных училищах. До 1869 года восточные языки входили в программу 23 духовных училищ, в основном это был татарский язык, но встречались и маньчжурский, якутский, калмыцкий, монгольский. Но по Уставу духовных училищ 1869 года восточные языки были исключены из числа учебных предметов.

Особым случаем изучения восточного языка в духовной школе Российской православной церкви была практика отправки учащихся в Токийскую православную семинарию для их подготовки в качестве переводчиков японского языка. Семинария в Токио была открыта главой русской духовной миссии в Японии архимандритом Николаем (Касаткиным) в 1875 году. В ее задачи входила подготовка священнослужителей для недавно созданной Японской православной церкви. Программа обучения в семинарии в основном совпадала с российской, за исключением из нее древних языков, учились в ней японские юноши. Российское военное ведомство обратилось к главе миссии с просьбой принять на обучение русских мальчиков. Разумеется, цель их подготовки была далека от миссионерства, они должны были стать переводчиками и сотрудниками разведки. В 1902 году в Токио прибыли первые русские семинаристы. После

окончания русско-японской войны необходимость изучения японского языка стала более понятна в России и количество русских учеников в семинарии увеличилось. Число одновременно обучающихся доходило до 18 человек (1910 год). По свидетельству современников, уровень знания японского языка у тех, кто смог пройти курс обучения до конца, был очень высоким.

Приведенный в статье краткий обзор преподавания восточных языков в духовных школах Российской православной церкви синодального периода позволяет сделать ряд выводов о значимости дальнейшего изучения этой темы.

Исторический опыт преподавания восточных языков в православных духовных школах может быть рассмотрен в контексте межнациональных отношений в Российской империи и соотнесен с современной ситуацией [Овчинникова, 2023]. Объем работы, проделанной православной церковью по изучению и преподаванию языков нерусских народов России опровергает широко распространенное в литературе мнение о православной миссии исключительно как об орудии русификации. Позиции церковных востоковедов по вопросам ассимиляции и культурной унификации были различными, но в большинстве своем они выступали за сохранение этнокультурной уникальности при принятии православной веры.

Другим интересным аспектом темы является взаимодействие религиозного и этнического в языке и культуре. Насколько эти два важнейших начала связаны между собой? Возможно ли сохранение этнического своеобразия при изменении религиозной идентичности? Как меняется язык при введении в него новых религиозных терминов? Как возможен перевод абстрактных понятий богословского характера на еще недавно бесписьменные языки? Многочисленные вопросы, возникающие при изучении языка в миссионерских целях, могут быть рассмотрены на основе опыта православных духовных школ по преподаванию восточных языков.

Изучение восточных языков и культур народов Востока в современных условиях вновь становится актуальным направлением образовательной политики. Исторический опыт, накопленный духовными школами Российской православной церкви, свидетельствует о том, что интерес к Востоку не является конъюнктурным ответом на ситуацию сегодняшнего дня, а укоренён в истории российской культуры и может стать фундаментом для укрепления межкультурного взаимодействия России со странами Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879.
2. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы) Вып. 1. Казань: тип. Имп. ун-та, 1891.
3. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы) Вып. 2. Казань: тип. Имп. ун-та, 1892.
4. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
5. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: «Восточная литература» РАН, 1997.
6. *Колесова Е.В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани: (середина XIX — начало XX веков): автореф. дис. ... к.ист.н.: 07.00.09 Казань, 2000.
7. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков: Дооктябрьский период. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.
8. *Овчинникова Ю.С.* Учебная программа курса «Культуры народов России» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 166–175.
9. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.
10. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 3, т. 11–15. М., 1865.

Natalya V. Kartasheva

HISTORY OF TEACHING ORIENTAL LANGUAGES AT THEOLOGICAL SCHOOLS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE 18TH AND 19TH CENTURIES

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natkartasheva@gmail.com

Abstract. Throughout its history, Russian oriental studies have been closely linked to the educational and missionary activities of the Russian Orthodox Church. At the beginning of the 18th century, Peter I initiated the study of oriental languages for missionary purposes, and he also created a multi-level system of theological schools for the Russian Orthodox Church to help increase the level of intellectual training for clergy. Languages of the peoples of the Russian Empire and those of the East beyond the Russian Empire were taught in various church-run educational institutions.

In the 19th century, the importance of studying and teaching oriental languages grew as part of the process of forming a unified cultural space for the empire and nation-building. This led to the teaching of Tatar, Chuvash, Kalmyk, Mongolian, and other languages in theological seminaries and academies run

by the Russian Orthodox Church at the beginning of the century. Outstanding scholars, both secular and religious, developed the methodological basis of missionary oriental studies and created a wealth of educational materials. Through the training of specialists who spoke the languages of Eastern peoples, they not only fulfilled church-related goals, but also contributed to the state's objectives. Graduates from theological schools who spoke Oriental languages engaged in missionary work, translation, linguistic, historical, ethnographic and cultural research, teaching children and adults in ethnic schools, thus eventually playing an important role in cultural development within the Russian Empire and beyond.

Keywords: Oriental languages in Russia, Orientalism, Iakinf Bichurin, theological schools, Kazan Theological Academy, Beijing Spiritual Mission, Russian-Mongolian School

For citation: Kartasheva N.V. (2026) History of teaching Oriental languages at theological schools of the Russian Orthodox Church during the 18th and 19th centuries. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(29), pp. 119–134. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-8 (In Russ.)

About the author: Natalya V. Kartasheva — PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; natkartasheva@gmail.com

REFERENCES

1. Veselovskij N.I. 1879. *Svedeniya ob ofitsial'nom prepodavanii vostochnykh yazykov v Rossii* [Information about the official teaching of Oriental languages in Russia.]. Saint-Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh. (In Russ.)
2. Znamenskii P.V. 1891. *Istoriya Kazanskoi dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniya (1842–1870 gody). Vypusk 1* [The history of the Kazan Theological Academy during the first (pre-Reform) period of its existence (1842–1870). Issue 1]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta. (In Russ.)
3. Znamenskii P.V. 1892. *Istoriya Kazanskoi dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniya (1842–1870 gody). Vypusk 2* [The history of the Kazan Theological Academy during the first (pre-Reform) period of its existence (1842–1870). Issue 2]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta. (In Russ.)
4. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka*. [The history of Russian Oriental studies until the middle of the 19th century]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990. (In Russ.)
5. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda* [The history of Russian Oriental studies from the middle of the 19th century to 1917]. Moscow, «Vostochnaya literatura» RAN, 1997. (In Russ.)
6. Kolesova E.V. 2000. *Vostokovedenie v sinodal'nykh uchebnykh zavedeniyakh Kazani: (seredina XIX — nachalo XX vekov)* [Oriental Studies in the Synodal educational institutions of Kazan: (mid-19th — early 20th centuries)] Kazan. (In Russ.)
7. Kononov A.N. 1982. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov: Dooktyabr'skii period* [The history of the study of Turkic languages: The pre-October period]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)

8. Ovchinnikova Yu.S. 2023. Uchebnaya programma kursa «Kul'tury narodov Rossii» [The curriculum of the course “Cultures of the peoples of Russia”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 166–175. (In Russ.)
9. Skachkov P.E. 1977. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
10. Solov'ev S.M. 1865. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kn. 3* [The history of Russia since ancient times. Vol. 3]. Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2026;
одобрена после рецензирования 27.05.2026;
принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 24.04.2026;
approved after reviewing 27.05.2026;
accepted for publication 08.06.2026.